

МАРИЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

МОСКВИЧКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Рождественская

Москвички

«Автор»

2026

Мария Рождественская

Москвички / Мария Рождественская — «Автор», 2026

Пьеса "Москвички". Без купюр, в авторской редакции. **ВНИМАНИЕ: ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ТОЛЬКО С ПИСЬМЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА.** Четыре женщины. Четыре поколения - глава семейства, ее дочь, внучка и правнучка. Каждому поколению выпала своя доля. Война. Оттепель и последующий застой. Развал Союза и лихие 90-е. Наконец, СВО, противостояние всему коллективному Западу. Четыре женщины - и у каждой свой характер и своя судьба. Подчас им очень трудно, почти невозможно вместе. И все же они любят - друг друга и страну, без которой не мыслят своего существования. Они ведут борьбу здесь, в тылу - как умеют. И, конечно, ждут с фронта своих героев-мужчин.

© Мария Рождественская, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пьеса в 2-х частях	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Рождественская Москвички

Пьеса в 2-х частях

Место действия: 4-х комнатная квартира в историческом центре Москвы

Время действия: 21 декабря 2022 года

Действующие лица:

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА Степанова, 95 лет, пенсионерка, в прошлом чиновница Госплана, ветеран ВОВ, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда

ЛЕНА, ЛЕНИНА СЕРГЕЕВНА Преображенская, дочь Марии Кирилловны, 70 лет, лингвист-американист

ЮЛЯ, ДЖУЛИЯ Преображенская, дочь Лены, внучка Марии Кирилловны, 45 лет, предприниматель

МАША Замятина, дочь Юли, внучка Лены, правнучка Марии Кирилловны, 20 лет, студентка МГТУ им. Баумана

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Знаменитый «Дом под юбкой», фундаментальный образец сталинской архитектуры, жилое здание на углу Тверской улицы и Тверского бульвара. Скольких же именитых жильцов перевидал и пережил этот дом! Именно здесь, в большой квартире из четырех комнат и живут эти четыре поколения женщин.

Четыре комнаты – четыре эпохи. Старая советская – в комнате Марии Кирилловны. Захламленная, как любили во времена «оттепели», – у Лены Сергеевны. Богатая с «евроремонтом», как было в нулевых, – у Юли. Минималистичная – у Маши.

Четыре комнаты – четыре двери, каждая из которых ведет на, пожалуй, несколько мрачноватую кухню. Здесь все выдержано в единой гамме – качественный гарнитур, большой деревянный стол, стулья, уйма «гаджетов» для приготовления самых сложносочиненных блюд, вся необходимая бытовая техника.

Где-то за пределами видимости расположились ванная комната и прихожая – мы можем только услышать, если там что-то происходит.

С улицы периодически доносится приглушенный (тройными стеклопакетами) шум проезжающих по Тверской автомобилей.

Мария Кирилловна, тонкая как сухая тростинка, которую не согнули ни возраст, ни невзгоды, в фартуке поверх серого платья, хлопочет на кухне.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что толку от этих новых окон? Только деньги содрали! Мародеры!

(Открывает духовой шкаф.) Чего ждать от капиталистов? Врут даже в мелочах.

В прихожей открывается дверь. Слышатся шаги.

ГОЛОС ЛЕНЫ. Я дома! (После краткой паузы.) Мама, ты что-то печешь? Запах на весь подъезд...

Внезапно обо что-то спотыкается.

ГОЛОС ЛЕНЫ. Господи боже мой! Откуда эти коробки?!

Мария Кирилловна как ни в чем не бывало достает из духовки пирог. Ставит на столешницу.

Появляется Лена – слегка раздобревшая с возрастом, но по-прежнему интересная женщина. В руках у Лены – аккуратный бумажный пакет.

ЛЕНА. Мама, что у нас там за коробки?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Для начала – здравствуй. Ты сегодня утром убежала раньше обычного, и мы не успели пожелать друг другу доброго дня.

ЛЕНА. День не добрый, мама, да и я давно уже не бегаю, скорее, ковыляю.

(После краткой паузы.) Так что за коробки в прихожей?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Это для Юли. Их скоро заберут.

ЛЕНА. Я просто спросила. Надо бы девочек предупредить, а то, чего доброго, навернутся со всего маху.

Подходит к столешнице, ставит на стол пакет.

ЛЕНА. Купила миндальных пирожных.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Миндальных пирожных давно не делают. В лучшем случае, они из арахиса. Он и к орехам-то не относится, это боб. Дешевое сырье из бедных стран, чтобы снизить издержки.

ЛЕНА. Написано – «миндальные». И цена приличная.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Скорее, неприличная.

Лена замечает пирог. Скептически его разглядывает.

ЛЕНА. Мама, ну зачем? Сейчас же всё можно заказать с доставкой! Пироги с любой начинкой – хоть с омарами.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Вот и заказывайте свою доставку. Хоть с омарами, хоть с чертом лысым.

Любовно поглаживает поверхность пирога.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Это вишневый пирог по микояновскому рецепту!

ЛЕНА. Ну, да, конечно. Лично разработал.

(После краткой паузы.) Впрочем, может, ты и права. Вишневый сок похож на кровь. Вполне подходящий ингредиент для сталинского сокола.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Не нравится – не ешь. И Сталина не трожь, пожалуйста. Особенно, сегодня.

ЛЕНА. И правда – зачем ворошить окаменелости?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Да уж вы наворошили – осенью, в девяносто третьем! До сих пор разгребаем!

ЛЕНА. Мама, не начинай, прошу тебя!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Верно, мне пора заканчивать. И так задержалась тут с вами.

ЛЕНА. Мама.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что – мама? Ты, моя дочь, уже немолодая женщина. А я так просто – древняя.

ЛЕНА. Сейчас всё сместилось, люди помолодели.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Только органам этого не объяснить.

ЛЕНА. (Непонимающе.) Каким органам?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Обычным, которые внутри.

Устало садится за стол.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Как дела на работе? Всё ли ладно в шпионском гнезде?

ЛЕНА. В шпионском – не знаю, а у меня в институте все как в воду опущенные ходят. Десять дней до Нового года, а настроение какое-то не праздничное.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. И это правильно. После стольких лет Россия наконец-то управляет крылья. И для всяких приспешников мировой жабы наступили черные деньки.

ЛЕНА. Люди просто боятся.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Чего?

ЛЕНА. Войны, терактов, растущего доллара. Нестабильности, в общем.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что касается доллара – разве не за это вы, либералы, так упорно бились последние двадцать пять лет?

ЛЕНА. Лично я всегда билась только за демократию.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Демократия – это миф, который придумали ради неподсудности правящих элит. А дурачки и дуручки вроде тебя в него свято уверовали.

ЛЕНА. Ну, кто-то и в коммунизм уверовал. Как говорится, каждому свое.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Те, кто верил в коммунизм построили этот дом, например. Что построили вы? Торговые центры на месте разворованных заводов?

Лена стоически молчит.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА (После паузы). А что ваш проректор? Сбежал-таки?

ЛЕНА. Вчера улетели всей семьей.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Кто бы сомневался. Только зря они думают, что там, куда они так старательно вывозили свои капиталы, получится спокойно отсидеться.

ЛЕНА. Испания – мирная страна, мама.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Да неужели? Тебе напомнить про режим Франко и «Голубую дивизию»? Именно они снабжали Гитлера продовольствием и поставляли ему вольфрам! А теперь шлют фашистскому режиму Украины сыровяленые колбасы и гаубицы. Мирная страна! С кучей комплексов – как у всех карликов! Ты видела эту бздючку на карте? Вечно каждый цюрипопик строит из себя блям-блямчика!

Лена собирается ответить, но тут в ее кармане вибрирует телефон. Лена достает телефон, несколько мгновений смотрит на экран. Затем поднимает взгляд.

ЛЕНА. Мне придется отойти на полчаса.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Опять кошечки-собачки? Другого времени не нашлось? В конце концов, сегодня день рождения твоей внучки!

ЛЕНА. (Виновато.) Да тут недалеко. Я, может, еще до Машиного возвращения успею.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Скажи хоть, к чему готовиться? Кого опять приведешь в дом?

ЛЕНА. Надеюсь, никого. Мы часть животных сразу по адресам отправим, а остальных – в ветлечебницу.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. А без тебя отправить не смогут?

ЛЕНА. Я должна проконтролировать. В прошлый раз переложила ответственность на других – и всё закончилось плохо. Теперь пока сама не увижу что и как – отмашку не дам.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Руководитель, который не может делегировать свои полномочия – плохой руководитель. Нужно уметь так наладить работу, чтобы всё вертелось не только при тебе, но и без тебя. А для этого нужны надежные люди, на которых можно положиться. Но в твоём окружении, Лена, таких нет и быть не может по определению!

ЛЕНА. А в твоём были?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Конечно.

ЛЕНА. Поэтому ты всегда пропадала на работе допоздна?

Мария Кирилловна не сразу находится с ответом и несколько мгновений раздумывает. Наконец, уже собирается что-то ответить Лене, но в этот момент где-то в коридоре хлопает входная дверь. Мария Кирилловна и Лена замирают, прислушиваясь...

ГОЛОС ЮЛИ. Салют!

(Споткнувшись.) А, блин, чтоб тебя!

Пауза... Появляется Юля – по-модному подтянутая.

ЮЛЯ. Mam, это твои коробки там стоят?! Предупреждать надо, а то так и ноги переломать недолго!

ЛЕНА. А почему сразу – мои? Почему всё плохое в этом доме всегда вешается на меня? Спроси вот у Марьи Кирилловны, вдруг это окажутся ее коробки?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Это мои коробки, Юля. Ты ушиблась?

ЮЛЯ. (Смягчаясь.) Да нет, нормально всё.

(Принюхиваясь.) Чем это у нас пахнет так вкусно?

ЛЕНА. Бабушка испекла пирог.

ЮЛЯ. По рецепту двадцатого съезда КПСС?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ты лучше скажи, где твоя дочь? У нее занятия два часа как закончились!

ЮЛЯ. С Лёнькой в кафе сидят.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Значит, опять аппетит испортит.

(После краткой паузы.) Напиши ей, пусть не расслаживается.

ЛЕНА. Ладно вам, имеет право ребенок в день рождения попить кофе со своим однокурсником.

ЮЛЯ. Кофе сейчас не в тренде, от него зубы портятся. Молодежь предпочитает сидр.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Сидр? Это еще что такое?

ЛЕНА. Яблочная шипучка.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ясно. В мое время это называлось – буза.

ЮЛЯ. С чем пирог?

И, не дожидаясь ответа, ловко отщипывает кусочек и отправляет его в рот.

ЛЕНА. Ну ты-то хотя бы куски не хватай!

ЮЛЯ. (Жует.) У меня с утра маковой росинки во рту не было!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Оставь ребенка в покое.

(Юле.) Давай я тебе салат положу?

ЮЛЯ. Так и быть, Машки дождусь.

(Облизывает пальцы.) Знатный пирог, бабуль. А чего ты его раньше не пекла?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Пекла, ты просто не помнишь. Ты тогда в школу ходила.

ЮЛЯ. Да, я бы из того времени много чего забыла.

Звонит телефон Юли.

ЮЛЯ (В телефон.) Да?

(После краткой паузы.) Сколько?? Лям за это ведро? Да он охренел, гондон дырявый! С таким пробегом - восемьсот красная цена!

Мария Кирилловна и Лена замирают как вкопанные. Юля замечает их реакцию.

ЮЛЯ (В телефон.) Погоди секунду.

(Лене и Марии Кирилловне.) Сорри, деловой разговор.

Уходит в свою комнату.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Лене, после краткой паузы.) Твоё воспитание.

ЛЕНА. Я ее такому не учила!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Да ты ее ничему не учила! Ты на баррикадах свои либеральные ценности защищала, а ребенок рос как трава при дороге!

ЛЕНА. Хорошо, я – плохая мать. А кто меня, такую, воспитал – не ты ли?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Моя вина. Всю жизнь за нее плачу.

ЛЕНА. Спасибо.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. На здоровье!

Открывается дверь Юлиной комнаты, появляется Юля.

ЮЛЯ (В телефон). Короче, семьсот штук – мое последнее слово. Или пусть сам продает. Давай, на созвоне.

Отключившись, убирает телефон. Проходит на кухню.

ЛЕНА. Скажи мне, где ты набралась таких безобразных выражений?

ЮЛЯ. У твоих любимых пендосов – у кого ж еще?

ЛЕНА. Во-первых, они не мои любимые. Во-вторых, у американцев очень красивая грамотная речь. Почитай их классиков, к примеру.

ЮЛЯ. Это Набокова? Или Айзека Азимова?

ЛЕНА. Можешь начать с Лилиан Хеллман.

ЮЛЯ. Она была коммунисткой из семьи еврейских эмигрантов. Опять ты, мама, в лужу бзднула.

ЛЕНА. Во-первых, Лилиан Хеллман никогда не состояла в коммунистической партии...

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Прекратите обе! Тошно от ваших пикировок. Хотя бы сегодня вы можете вести себя по-человечески?

У Юли оживает телефон – пришло сообщение. Юля достает телефон, несколько мгновений вчитывается...

ЮЛЯ. Машка задерживается. Пожалуй, я бы хряпнула салатика.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Нет, как вам это понравится? Трое взрослых людей ждут одну сикильдявку, пока она там соизволит наговориться со своим Лёньюкой.

(Юле.) Ну напиши ей, что мы ее ждем!

ЮЛЯ (С неохотой.) Сейчас.

Набирает сообщение. Пауза... Телефон вибрирует – пришло ответное сообщение.

ЮЛЯ. (Вчитываясь.) Пишет, что пока занята.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Интересно, чем??

ЮЛЯ. Не уточнила.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Поколение ЕГЭ! От слова – эгоист! Думают только о себе, ставят себя в центр мироздания!

ЛЕНА. То же самое ты когда-то говорила о нас.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Вам оттепель мозги поломала, а этим...

ЮЛЯ (Подхватывает.) ...отдаленные последствия войны.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что-что?

ЮЛЯ. Ну как же, ты же все время говоришь, что лучшие тогда не вернулись. Значит, остались худшие? Остались – и расплодились.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Помолчи.

Отворачивается.

Лена осуждающе смотрит на Юлю. Обе явно не знают, как быть. Пауза... Наконец, Лену осеняет – она подходит к шкафу, достает оттуда бутылку наливки и три стопочки.

ЛЕНА. Давайте-ка выпьем.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Я буду водку.

ЮЛЯ. Я, пожалуй, поддержу бабушку.

ЛЕНА. Что с вами делать? Водку так водку.

Достает из холодильника водку, разливает. Героини разбирают стопочки.

ЮЛЯ. За что пьём?

ЛЕНА. За именинницу.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Еще чего! Придет – тогда и выпьем за неё.

Ставит на столешницу тарелку с нарезанным хлебом.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Юле.) Ты помнишь, какой сегодня день?

ЮЛЯ. Машкин день рождения.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Не только.

(Пытливо смотрит на Юлю.) Ну, вспоминай.

Пауза. Юля вопросительно смотрит на Лену. Та, стараясь делать это незаметно для Марии Кирилловны, корчит гримаску, но Юля не понимает подсказок. Тогда Лена проводит пальцем у себя под носом и изображает человека, держащего курительную трубку.

ЮЛЯ. (Просветлев.) Как это я могла забыть! Машка же с ним в один день родилась!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Не с «ним», а с выдающимся человеком. Гением. Величайшим политиком, в чьи времена наша Советская Россия достигла таких высот, о которых теперь приходится только мечтать.

(Чинно поднимает рюмку.) За товарища Сталина. Не чокаясь.

Быстро выпивает. Следом за ней, пожав плечами, выпивает и Юля. Наконец, Лена, тягостно вздохнув, догоняет остальных. Мария Кирилловна не закусывает, Лена – занюхивает отломленной корочкой, Юля заедает кусочком хлеба.

ЛЕНА. За Ленина пить не будем?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. За него я выпью без вас.

ЮЛЯ (С набитым ртом.) Вкусный хлеб!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Сахар. Посмотри на досуге, сколько сахара кладут в обычный полукилограммовый батон. Сейчас по-другому не делают. Вот в мои времена был хлеб!

Лена издает обреченный стон.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Чего мычишь? Ты вроде должна помнить вкус хлеба, который выпекали по советскому ГОСТу.

ЛЕНА. У меня, мама, с памятью плоховато. Иначе я бы уже давно помешалась.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Удобная позиция. Как страус, голову в песок засунул – и всё, я в домике. А страну пусть за меня другие поднимают.

ЛЕНА. Мама, ну, сколько можно!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Сколько нужно, столько и можно. Великих дел не бывает без великих жертв. А ты не в состоянии пожертвовать даже собственным комфортом, если дело не касается твоих собачек и кошечек!

ЛЕНА. (Умоляюще.) Мама...

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Тебе твои капиталисты рассказали, что главное в жизни – это когда мягкое место в тепле? Так вот, они тебя обманули!

ЮЛЯ. Дамы, кто-нибудь положит мне салату? А то я сейчас опьянею и завалюсь под стол!

Лена достаёт из холодильника салатницу. Раскладывает салат по тарелкам. Юля хватает тарелку, с аппетитом ест.

ЮЛЯ. (Жует.) Отвал башки! А что здесь?

ЛЕНА. Слезы трудового народа.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Картофель, соленые огурцы, квашеная капуста.

ЮЛЯ. Простенько, но со вкусом!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Мое поколение умело жить скромно. При этом мы никогда не чувствовали себя обделенными.

(Смотрит на Лену.) Не думала, что под сотню лет мне будет так стыдно за тебя, Ленина.

ЛЕНА. Мама, я сто раз просила не называть меня этим именем. И что я такого страшного сделала, что тебе за меня стыдно?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Правильнее будет сказать, чего ты НЕ сделала. Вот как было у нас? Все для фронта, все для победы.

ЛЕНА. У вас не было всяких срочносборщиков.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Можно подумать, среди твоих зоозащитников не бывает мошенников! Однако им ты деньги переводишь регулярно. Для кошечек и собачек тебе не жалко, а для бойцов – жалко.

ЛЕНА. Мама, мы уже сто раз это обсуждали, давай не будем.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. У психиатров есть такой термин – «феномен стекла и дерева». Это когда какую-нибудь уличную кошечку жалко, а на человека плевать с высокой колокольни. Такое поведение характерно для шизофреников. Я переживаю за тебя, дочь – а вдруг это что-то серьезное?

ЛЕНА. Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак. Твой любимый Гейне, между прочим.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Гейне интересен прежде всего своей дружбой с Марксом. И все же не стоит воспринимать его высказывания как готовые рецепты на все случаи жизни.

ЮЛЯ. Гейне был мудаком и бабником.

Лена несколько мгновений собирается с мыслями, пытаясь понять, кому возражать – Юле или Марии Кирилловне, но тут снова вибрирует телефон Лены. Лена отвлекается на свой телефон, погружаясь в чтение (сообщения).

ЮЛЯ. (Марии Кирилловне.) У нас есть что-то кроме салата?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Чего стоишь как в забегаловке?

Юля послушно садится за стол.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Медальоны из свинины и паштет из куриной печени. Но мы ничего из этого не будем, пока не вернется Маша, и мы все вместе не сядем за стол – как положено.

Юля отдает пионерскую честь.

Лена убирает телефон, несколько смущенно смотрит на Марию Кирилловну, потом – на Юлю.

ЛЕНА. Мне нужно кое-куда. Я скоро вернусь.

ЮЛЯ. Отлично, теперь ты куда-то собралась. Чувствую, помру я сегодня с голоду.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. К счастью, ты никогда не знала, что такое голод.

ЮЛЯ. Да, мне просто очень хотелось есть, когда я в девяностые была студенткой.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Лене.) Что стоишь? Иди к своим собачкам!

Лена уже хочет что-то ответить... Но так ничего и не говорит, просто молча уходит. В коридоре хлопает дверь.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА (После паузы). Твои когда едут?

ЮЛЯ. В среду.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Кивает в сторону прихожей.) Коробки для тебя. Маскировочные сети, Ида Соломоновна принесла.

ЮЛЯ. (Удивленно.) А что ты ей сказала??

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Правду. Что ты отправляешь помощь бойцам в зону спецоперации.

ЮЛЯ. Ясно, старая сионистка решила поиграть в патриотизм.

Ставит на стол тарелку с недоеденным салатом. Начинает потихоньку «закипать».

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ну что за ерунду ты говоришь? Ида никакая не сионистка, она настоящая патриотка.

ЮЛЯ. Чего – земли сынов Израилевых?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Она русский человек! Советский, если хочешь.

ЮЛЯ. Советские русские люди не сваливали в Израиль.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Она же вернулась.

ЮЛЯ. Ну да, как здесь нормально стало, так сразу и вернулась. Молодец, Иуда Соломоновна! Всегда умела встроиться в рыночек.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Тем более, мы должны дать ей возможность исправить ошибки, совершив патриотический поступок.

ЮЛЯ. Не смейся! Какого патриотизма можно ждать от гримзы по фамилии Шустерман? Может, она эти ящики каким-нибудь нейрореплетиком опрыскала? Они там, на земле обетованной, большие специалисты по этой части!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. По-моему, ты перечитала Интернета.

ЮЛЯ. Нет, просто мир стал прозрачным, и дерьмо заметить под коврик всё сложнее. Ты знаешь, что такое хуцпа? Это про твою Иду-Иуду! Там вся семейка – предатели-релоканты. Так что верни этой крысе ее барахло, иначе я заткну эти коробки прямо в ее толстую хазарскую задницу!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Глупости! Я помню их семью, они не предатели. Ее дядя погиб в сорок пятом.

ЮЛЯ. Дядя погиб, а сыночек с женушкой и выводком сидят в Тель-Авиве, мескаль фалафелем зажирают.

(Саркастически.) В стране, которая никогда не воюет со своими соседями.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Но Ида-то здесь, в Москве. А нашим бойцам нужны маскировочные сети. Вот и всё, что нужно знать про текущий расклад.

(После краткой паузы.) И объясни мне - почему ты стыдишься? Разве помогать своей стране – постыдно?

(После краткой паузы.) Или ты просто боишься?

ЮЛЯ. Ничего я не боюсь!

(После краткой паузы.) Боюсь встретить непонимание. Боюсь своей реакции на него.

(После краткой паузы.) Мне же придется дать по морде.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Когда тебя это смущало?

ЮЛЯ. Не могу же я дать по морде собственной матери.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Да, матери по морде – не наш метод.

(После краткой паузы.) Даже такой, как твоя.

(После краткой паузы.) Мне не нравится, что Маша задерживается. Принеси мне, пожалуйста, мой телефон.

ЮЛЯ. (Протягивает Марии Кирилловне телефон.) С моего быстрее.

Мария Кирилловна берет Юлин телефон...

Но в этот момент из прихожей доносится звук открываемой двери. Затем – глухой звук удара, как если бы кто-то споткнулся о стоящие на полу коробки.

ГОЛОС МАШИ. Фак! Че за криптога?!

Еще через мгновение входит Маша – изящная, чем-то отдаленно напоминающая свою прабабушку Марию Кирилловну. Маша явно чем-то расстроена и даже не пытается скрыть нервозность.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Мы уж тебе звонить собирались.

ЮЛЯ. Ты ничего не забыла? У нас типа семейное торжество.

Маша суетливо оглядывается, игнорируя реплику Юли.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Приглядывается к Маше.) Что-то случилось?

МАША. Чуть не звезданулась в коридоре.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ты ударилась? Больно?

ЮЛЯ. Бабушка пирог испекла, наготовила всего, а ты – где ты ходишь??

МАША. Пирог? Супер, а можно я половину заберу?

И, не дождавшись разрешения, хватая нож и смело отчекрывает большую половину пирога.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что еще за новости??

ЮЛЯ. Ты куда это намылилась??

МАША. Mam, я потом все объясню. А пока можно я просто заберу еду с собой?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Нет уж, потрудишься, пожалуйста, объяснить сейчас, что происходит? И почему тебе вдруг понадобилась пицца?

МАША. Вам что, пирога жалко?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Не жалко нам ничего, я просто пытаюсь понять, почему ты в день своего рождения, во-первых, опоздала к столу, а, во-вторых, собираешься сбежать, наплевав на маму и двух бабушек.

МАША. Вижу только одну.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Лена ненадолго отошла по делам.

МАША. Кто на этот раз? Или опять котики?

ЮЛЯ. Не съезжай с темы! Давай рассказывай, что там у вас стряслось!

МАША. (После краткой паузы.) Лёнька уезжает. Я хочу дать ему с собой, в дорогу, домашней еды.

ЮЛЯ. Куда он уезжает?

МАША. Далеко.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Когда?

МАША. Поезд через полтора часа. С Казанского.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Юле, после краткой паузы.) В холодильнике мясная нарезка. Сделай пару бутербродов.

(Маше.) А ты возьми контейнер и положи туда пирог.

Юля и Маша суетятся, выполняя распоряжения Марии Кирилловны.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Странно, что он решил уехать именно сегодня, прекрасно зная, что у тебя день рождения.

МАША. Так получилось.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. И когда же ты планируешь вернуться?

МАША. Как только его провожу.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. То есть, не раньше пяти?

Маша молчаливо кивает, соглашаясь.

ЮЛЯ. И что, мы тут голодные должны сидеть и тебя дожидаться?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. В таком случае, ты должна понимать, что мы сядем за стол без тебя. И потом я не уверена, что ты уложишься в два часа. Сейчас предновогоднее время, всюду пробки, и плохо с наземным транспортом. Если только ты не хочешь давиться в переполненном метро.

МАША. Ба, что у тебя за привычка думскроллить?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что-что у меня за привычка??

ЮЛЯ. Читать негативные новости. Забей, она тебя просто троллит.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что за птичий язык у вас у обеих?!

Юля заканчивает возиться с бутербродами, заворачивает их в пищевую пленку и протягивает Маше.

ЮЛЯ. Совсем уже в грош никого не ставишь. Что хочешь, то и воротишь.

МАША. Ма, я это не специально. Правда.

В этот момент звонит телефон Юли.

ЮЛЯ. Блин.

(Достает телефон.) Ну чего еще?

(После краткой паузы.) Это срочно? Мне планшет включать придется.

(После краткой паузы.) Щас, повиси пока.

(Маше.) Значит, так. Это твой праздник. Хочешь проводить его не с нами – вперёд! В конце концов, тебе уже двадцать, ты взрослый человек.

МАША. Ма, я приду через два часа.

Юля, отмахнувшись, уходит в свою комнату.

Мария Кирилловна несколько мгновений смотрит на Машу.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Это действительно так важно?

Сникшая Маша кивает.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Хорошо, можешь идти.

(Указывает на пакет с пирожными.) И вот - возьми еще миндальных пирожных.

МАША. Не, ба, они сейчас все из арахиса, а у Лёньки на него аллергия.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ну, надеюсь, пирог твоему Лёньке понравится.

МАША. Спасибо за подгон, ба!

Забирает пирог и бутерброды и быстро уходит.

Мария Кирилловна садится за стол.

Наконец, возвращается Юля.

ЮЛЯ. (Оглядываясь.) Ушла?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Похоже, там что-то важное.

ЮЛЯ. Кто бы сомневался! Уж всяко поважнее нас!

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Погоди, не кипятись. Может, и правда что-то из ряда вон.

Юля скептически хмыкает.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. В любом случае, она скоро вернется и все нам объяснит.

(Присматривается к Юле.) У тебя-то все в порядке?

ЮЛЯ. Четыре УАЗика берем для ребят. Почти новые. Мне цену удалось сбить, так что денег еще на броники хватит.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ты молодец.

ЮЛЯ. Твоя внучка – профессиональная барыга, забыла? Уж чего-чего, а торговаться я научилась.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Не говори так о себе, ты не барыга. Я уверена, что после нашей победы всё изменится в лучшую сторону. В том числе, кино. И ты еще сможешь вернуться к своему ремеслу кинодраматурга.

ЮЛЯ. Да на хрен! Уже не хочу. Ты правильно сказала – ремесло. Нынешние сценаристы – ремесленники. Говорящие печатные машинки при продюсерах.

(После краткой паузы.) Мне раньше казалось, что я буду заниматься искусством. Но быть ремесленником – так себе удовольствие. В этом смысле барыжить подшаманенными тачками даже честнее.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Я понимаю, почему ты это говоришь. Поверь, мне тоже очень больно – больно за тебя. У меня за всех за вас болит душа. Но мы должны быть сильными. Мы же Степановы!

ЮЛЯ. Да я и писать-то уже разучилась. Ни одной мысли.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Неправда. Я знаю, что ты потихоньку продолжаешь работать над своим сценарием.

ЮЛЯ. Ага. Постоянно пишу уже пятый год.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Это не страшно. Писательский дар с годами только крепнет – как хороший армянский коньяк.

ЮЛЯ. Нет у меня никакого дара.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. А я думаю, есть. Ты всегда была талантливой девочкой. Помнишь, как в четыре года ты написала свою первую повесть?

ЮЛЯ. «Дни и годы Алексея».

(Смущенно.) Про мужика, который с фронта пришел и не может встроиться в мирную жизнь. Я тогда не знала, что это называется «пост-травматическое стрессовое расстройство». А сюжет в голове уже родился. Я и писать еще толком не умела, писала снизу вверх.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Красными чернилами.

ЮЛЯ. (Удивленно.) Ты помнишь?

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Я же ее сохранила, твою повесть. Она у меня в нижнем ящике комода лежит.

ЮЛЯ. К чему? Глупые каракули глупого ребенка.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Наоборот, я тогда сразу поняла, что моя внучка станет писателем.

Юля лишь горько усмехается в ответ.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Тебе всего сорок пять, с моей колокольни – это юность. Ты обязательно напишешь хороший сценарий, а может быть, книгу. Тебе еще предстоит воспеть славу наших сегодняшних героев. И нашу обновленную страну – сильную и великую.

Юля утыкается носом в плечо Марии Кирилловне. Мария Кирилловна гладит ее по голове – как, должно быть, делала это, когда Юля была еще маленькой.

ЮЛЯ. Бабушка, все большие писатели были гуманистами и любили людей. А я их ненавижу. И не верю в человечество.

Отстраняется от Марии Кирилловны. Угрюмо смотрит в сторону.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Кто тебя обидел? Дима?

ЮЛЯ. Дима – козёл. Я его послала.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Может, стоило дать второй шанс?

ЮЛЯ. Я давала ему шансов больше, чем Бог – человечеству. Но он правда козёл.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Он сделал что-то плохое?

ЮЛЯ. (После краткой паузы.) Сказал, что ему часики Эппл Пэй в сто раз дороже, чем все придурки, которых якобы убили на Донбассе.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (После краткой паузы.) Не знаю, что это за часики такие, но ты правильно поступила, что рассталась с таким человеком.

ЮЛЯ. Он меня напоследок эрэспэхой обозвал.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Кем?

ЮЛЯ. Разведенкой с прицепом.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Еще и дурак, кроме того, что подонок и трус.

(После краткой паузы.) Ничего, не переживай. Достойных мужчин мало, но это не значит, что надо цепляться за идиотов.

ЮЛЯ. Достойные мужчины закончились, бабуль. Кто – в девяносто третьем, кто в – девяносто девятом. Ты же сама говоришь – лучшие не вернулись. Отрицательный отбор.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Невозможно уничтожить весь генофонд, что-то обязательно прорастет.

ЮЛЯ. Видимо, проросло не там, где я обычно хожу.

*В прихожей открывается дверь. Затем слышится шуршание.
Наконец, входит Лена. Она немного взбудоражена.*

ЛЕНА. Маша до сих пор не явилась? Я начинаю волноваться.

ЮЛЯ. Была – и опять куда-то усвистала. Сказала, вернется через два часа.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Дело у нее там какое-то.

Лена внимательно смотрит на Юлю и Марию Кирилловну.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Что ты так смотришь?

ЛЕНА. У вас двоих такой вид, как будто вы тут обсуждали что-то не очень приличное.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Да как сказать...

(После краткой паузы.) Юля считает, что Ида Шустерман – сволочь, потому что голосовала за Ельцина. А я говорю: Юля, ну, твоя мама ведь тоже голосовала за Ельцина, но это еще не значит, что она сволочь.

ЛЕНА. Всё с вами понятно.

(Юле.) У тебя опять конфликт с Идой?

ЮЛЯ. Она мне не нравится – и это константа. Не бывает хороших людей по фамилии Шустерман.

ЛЕНА. Тебе напомнить, как тебя обманула твоя лучшая подруга по фамилии Шкляева?

ЮЛЯ. Шкляева – обычная тварь. А Шустерман – тварь идейная! Сечешь разницу?

ЛЕНА. Похоже, я не просекла тот момент, когда моя дочь превратилась в антисемитку.

ЮЛЯ. А ты бы ее не защищала. Она, между прочим, всем говорит, что ты – скрытая лесбиянка.

ЛЕНА. (Вспыхивает.) Что??

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ей-то откуда знать?

ЮЛЯ. Да, расслабься, мам. Всем давно уже плевать – кто, с кем, когда и сколько. Почти как при Ленине было.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Ленина всуе не поминай.

(После краткой паузы.) А про лесбиянство — всё это глупости, конечно. Мы и слов-то таких тогда не знали!

ЮЛЯ. Ну да, как в том анекдоте – дерьмо есть, а слова нет.

ЛЕНА. То есть, моя дочь – не только антисемитка, но и гомофобка.

ЮЛЯ. Я не гомофоб.

ЛЕНА. Конечно, ты просто не любишь евреев и геев.

ЮЛЯ. Если бы я их не любила, живя в Москве и отучившись во ВГИКе, то давно бы повесилась.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. Так, стоп! Что за привычка ругаться из-за всего на свете? Ни те, ни другие не имеют к нам никакого отношения – и хватит об этом.

В этот момент в прихожей слышится какая-то возня.

МАРИЯ КИРИЛЛОВНА. (Строго смотрит на Лену.) Только, пожалуйста, не говори мне, что там опять котята.

ЛЕНА. Нет, мама, не котята и не щенята.

И Мария Кирилловна, и Юля выжидающе, с тревогой смотрят на Лену.

ЛЕНА. Поймите, у меня не было выбора.

Уходит в прихожую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.